

Последняя иллюзия

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Все последние дни мы, кажется, только и делали, что прощались. Сперва окончательно стал историей первый российский президент. И через день после его похорон ушли от нас замечательный актер Кирилл Лавров и величайший виолончелист, дирижер и гуманист Мстислав Ростропович.

Можно сказать, что Ростроповичу и Лаврову повезло. Когда в один день со Сталиным умер великий композитор Сергей Прокофьев, во всей Москве не нашлось ни цветочка, ни места для строчки в газете: все заняла скорбь по тирану и людоеду. На этот раз смерть президента и людей искусства разошлись на несколько дней, и мы сумели опомниться и осознать новую потерю.

Смерть президента заполонила экран. Мы снова пережили два периода жизни этого незаурядного человека. Вот его звездный час: Ельцин расстается со своим коммунистическим прошлым, вот он на танке, и кажется, что прямо сейчас этот танк зарычит и проложит нам дорогу в счастливое будущее. Но вот тот же человек увлеченно перескакивает чью-то фантастическую байку про тридцать восемь снайперов; вот он чертит пальцем пресловутую «загогулину»; а вот и его печально знаменитая фраза «Не так сели!» Из уверенного в себе сильного лидера он превращается в больного старого человека, беспомощно пытающегося ухватить власть, а она, как кусок мокрого мыла, все выскальзывает и выскальзывает из его непослушных пальцев.

В этой связи вспоминается, что, по словам Немцова, сказала как-то его жена Ельцину: «Борис Николаевич, вы, судя по всему, человек верующий. Так вот, помогай вам Бог, да не допусти он, чтобы вы стали нашей последней иллюзией...» Боюсь, что именно такой иллюзией Ельцин в конце концов в народной памяти и остался. И в четверговой передаче «К барьеру!» зрители с пятикратным перевесом отдали голоса лютому врагу президента — империалисту и демагогу Проханову, который, истощенно вопя, обрушивал на голову Ельцина свои филиппики. Забыл прожженный политикан, что саму возможность все это орать он получил именно при Ельцине, и топчет мертвого льва, благо делать это теперь совершенно безопасно: его поддерживает а треть россиян, которая из сталинских времен запомнила лишь, сколько стоила тогда бутылка водки и батон вареной кол-

басы и теперь мечтает о возвращении тех благословенных времен.

А поклонники Сталина, современные коммунисты, между тем покрыли себя позором, не пожелав на заседании Думы встать, чтобы почтить память скончавшегося президента. Разрушители храмов, только недавно научившиеся креститься, они даже не вспомнили о христианском милосердии. К Ельцину можно относиться как угодно — я ведь тоже выключал звук, когда на экране появлялся хорохорящийся старик, от которого в конце его правления уже мало что зависело — но забыть об элементарном этикете в отношении мертвых могут только ничтожные политические пигмеи.

Что еще хуже, сторонники Проханова и Илюхина фактически сомкнули ряды с эстонскими националистами, тоже успешно воюющими с мертвыми. Омерзительно было видеть на экране беззупречно, по-европейски одетых эстонских политиков, разъясняющих нам, непонятливым русским варварам, почему марш бывших эсэсовцев по Таллину — это хорошо, а памятник простым русским солдатам, погибшим на эстонской земле, нельзя более терпеть.

И ведь что характерно: другие прибалтийские государства благодарно отказались от кощунственной акции, даже сам мэр Таллина попросил власти воздержаться от крайностей. Не воздержались. Да и как воздержаться, если эстонский премьер въехал в парламент со своей партией именно на лозунге уничтожения памятника. Теперь он, может быть, и рад бы в рай, да грехи не пускают. А его партийным соратникам уж так хочется нагадить большому соседу, даже ценой серьезных экономических потерь: ведь ясно, что благосостояние нынешней Эстонии в огромной степени зависит от торговли с Россией, и теперь естественно ждать российских санкций. Словом, выколол себе глаз, пусть у моей тещи будет зять кри-вой!

Правда, нашему возмущению мешает одно небольшое обстоятельство. Эстонцы перенесли памятник советской армии, к которой

— чего уж там — у них много вопросов. Но вот почему мы сами разрушаем один за другим памятники Отечественной войны на собственной территории? Телеоператоры, спасибо, показали нам уничтоженный монумент героям-летчикам в Химках под Москвой, и он ведь далеко не единственный такой. Не эстонским солдатам в отместку погубили мы памятник, а своим парням, которые умерли на этом самом месте, защищая Москву, чтобы мы, иваны, не помнящие родства, жили. Место нам, видите ли, срочно понадобилось. Кстати, выкопанные кости теперь, похоже, и найти не могут: засунули куда-то в спешке...

А в Ярославле на Стрелке, на месте древнего церковного кладбища вот-вот построят два дома для наших богатеньких соотечественников. Так и будут жить на костях предков или тоже повыбрасывают на свалку?

Так что очень уж громко обличать эстонцев, может быть, не стоит? Чем кумушек считать трудиться...

Но не завяли еще цветы на могиле Ельцина, как пришла пора покупать новые — на могилу нашей славы. Совсем недавно мы потеряли Ульянова, и вот новые потери.

Смерть Ростроповича ударила как-то особенно больно. Только что он справил свое восьмидесятилетие, и сам надеялся, что доживет до ста. Не дожил...

Нескладный, шепелявый, картавый, он так хорошо всегда говорил, остроумно и ярко. И так сильно чувствовал. Настоящий патриот, он плакал, когда его и Галину Вишневу бжеженские холуи лишили гражданства. Оказавшись за границей, он на вершине всемирной славы стал богат и всю жизнь помогал обездоленным соотечественникам. Миллион доз привок российских детям — это только один пример бескорыстной и бесконечной помощи от семьи Ростроповичей, никогда не помнящих зла. «Я пытаюсь делать добро людям — как умею».

Он дал приют Солженицыну на собственной даче, когда тому буквально негде было приклонить голову. И это во времена, когда сам Шостакович, дача которого была рядом, боялся даже подойти к разделявшему их забору: Ростроповичу легче, его дальше Парижа не сошлуж, говорил он, а меня загонят куда Макар телят не гонял. Преувеличивал маэстро безопасность соседа, и сильно.

И при этом Ростропович казался большим и добрым ребенком. И когда играл на своей виолончели, сидя на стуле у разру-

шенной берлинской стены. И когда, узнав об очередной русской беде, несмотря на отговоры родных, обманул их и бросился в аэропорт, чтобы защищать московский «Белый дом». У него не было визы, но когда он сказал: «Я Ростропович», его пропустили и так. Сохранилась трогательная фотография, где Ростропович в «Белом доме» с «калашниковым» в руках охраняет сон умирившегося юного солдата. По его собственному признанию, он даже не знал, как эта штука стреляет, но был готов защищать свободу. «Господь дал мне два качества: память и руки».

Он любил детей и играл для них на своей виолончели, творении великого Страдивариуса. И показывал на ней царяпину, сделанную когда-то шпорой Наполеона, который в свое время тоже пытался на ней играть.

Он первым наполнил музыкой только что отстроенный храм Христа Спасителя.

В молодости друзья звали его Подсолнухом, а когда он спросил, почему, они ответили: «А ты всегда тянешься к солнцу».

Я благодарен судьбе за то, что однажды имел счастье пожать Ростроповичу руку. Мир твоему праху, наш Подсолнух.

Награждая Ростроповича по случаю восьмидесятилетия, президент именовав его Славой и обращался на ты. Говорят, они были друзьями, но такое амикшонство режет слух: ведь не от себя, а от государства давал награду высший чиновник страны величайшему этой страны гражданину.

А смерть первого президента мистическим образом пересеклась с отчетом его преемника российской обществу. О, сколько нам открытий чудных было сделано в этом отчете. Совсем уже скоро у всех у нас будут достойные зарплаты и солидные пенсии, появится европейского уровня образование и лучшая в мире медицина.

Такие обещания имеют давнюю традицию. Мы помним, что еще матушка Екатерина обещала, что скоро у каждого крестьянина в горшке будет вариться курица, помним, что Никита Сергеевич вместе с партией торжественно заявлял: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, что Михаил Сергеевич всем нам дал по квартире, а Чубайс — по две «Волги». И уверяю вас, список обещаний будет быстро расти. И то ли еще будет.

Ой-ой-ой.

Владимир ЖЕЛЬВИС,
профессор ЯГПУ
имени К. Д. Ушинского.